

В.И. Рогозина

УДК 81'373.2=161.1БРЮСОВ7.08

МИФОНИМЫ В ПОЭЗИИ В.БРЮСОВА

***Реферат.** Статья посвящена использованию В. Брюсовым мифонимов в поэтических произведениях разных лет. Актуальность данной темы обусловлена отсутствием исследований, посвященных ономастике поэзии В. Брюсова. Рассмотрены состав мифонимов, их роль и место, определены особенности использования. Основное внимание уделялось определению взаимосвязи символизма и “мифотворчества” поэта. Это позволило сделать вывод о том, что мифонимы отвечают главной концепции символизма – становятся символом, намеком на события, черты характера, эпохи.*

***Ключевые слова:** ономастика, мифоним, символизм, коннотация, перифраза, аллюзия, характеризующее определение.*

Школа русского символизма сформировалась в 90-е годы XIX и существовала по 10-е годы XX в. У истоков этого направления – творчество Валерия Брюсова.

Творчество В. Брюсова неоднократно привлекало исследователей. В центре внимания ученых были строфический репертуар его лирики (О.А. Карманова), функционирование экзотической лексики (О.П. Лопутько), стилистические особенности поэтических посланий (Н.В. Протасов), перспективное и ретроспективное функционирование оценочной лексики (И.Н. Левина), латинизмы – имена собственные на страницах романа «Алтарь победы» (Т.А. Зубкова), лексика восприятия (П.Н. Кочетков) и др., однако на сегодняшний день нет работ, посвященных анализу ономастического пространства его поэзии.

Символисты охотно обращались к античным мифам, которые преимущественно и были построены по принципу символа. Они пользовались образами мифов, ставшими в определенном смысле схемами, легко поддающимися обобщениям, способными к репрезентации самого разнообразного содержания. “Иные символисты даже любили называть свою поэзию “мифотворчеством”, созданием новых мифов <...> Эллада и Рим, Ассирия и Египет, сказания Эдды и мифология полинезийских дикарей, мифическая Атлантида и средневековые бредни, – отмечал В. Брюсов, – все равно шло в дело” [2, с.327-328], потому что символизм – это поэзия намеков, когда в каждой мысли можно, через определенную систему символов, проследить весь процесс развития этой мысли от зарождения и до ее завершения. Иначе говоря, имя-символ становится действующим, говорящим, творцом мысли, или, по Лосеву, демиургом, “ибо в нем залог и основа всех возможных творческих актов мысли, воли и чувства” [6, с.104].

Среди первых произведений В. Брюсова следует отметить стихотворение «Ученый» – своеобразный манифест юного поэта-символиста, где использование мифонимов не просто оправдано, потому что основной смысл – не в призыве “Уйдем в мечту!”, а в последующих строках:

Но правда есть и в призрачном оазе:
То – мир земли на высоте фантазий,
То – брат Ормузд, обнявший Аримана.

В этих двух именах и заключен основной смысл. Ариман – это греческое имя древнеперсидского бога Анхра-Майню, который олицетворял злое начало, а Ормузд – его родной брат, был олицетворением доброго начала. Поэт не просто призывает оторваться от реальной действительности, а, оторвавшись, найти правду, заложенную в противоборстве извечных сил добра и зла.

В поэзии В. Брюсов использует значительное количество мифонимов, что свидетельствует о его книжности – наличии широчайших знаний в области истории и литературы. Обилие имен в поэтическом произведении, особенно имен исторических деятелей, поэтов, писателей, героев литературных произведений разных эпох и национальных культур обязательно будет создавать определенные трудности в адекватном восприятии поэтической мысли. Брюсов, как замечает Н.С. Бурлаков, намеренно ограничивал круг читателей символической поэзии: “Массам она недоступна. В произведениях символистов “надо вчитаться”, вкусить их тонкий аромат, почувствовать их зыбкость, иметь богатое воображение, чтобы воссоздать едва “намеченную мысль автора”. Таким образом, аристократизм символизма был предопределен уже заранее” [3, с.13]. Изучение различных аспектов поэтических символов как никогда актуально в наше время, потому что отмечается потеря у сегодняшнего читателя способности “адекватно понять и проинтерпретировать важнейшие тексты культурного наследия, то есть невозможность вступить в полноценный диалог с определенной культурной эпохой” [8, с.75]. Изучение ономапоэтической символики В. Брюсова важно еще и потому, что он использует, следуя терминологии Вяч. Иванова, ассоциативный символизм, т.е. он часто не называет предмет прямо, а изображает его через ассоциативные признаки.

Поэт обращается не только к образам античной (греческой и римской) мифологии (более 100 наименований) – Аполлон, Арес, Дионис, Орфей, Харон и др., но и египетской (10) – Амон, Фта, Изид, Ра, Озирис и др.; ветхозаветной (10) – Адам, Ева, Ной, Иосафат, Христос, Иуда и др.; древнеперсидской (2) – Ормузд, Ариман; славянской (9) – Перун, Водяной, Домовой и др.; индийской (2) – Кама, Кали и майя (1) – Кукулкан. К числу активно используемых относятся Афродита, Аполлон, Амур, Ариадна, Зевс и Кронос. Для сравнения следует заметить, что в поэзии Вяч. Иванова популярными были Озирис, Дионис, Христос, которые, по мнению писателя, “дают читателю возможность осознать главное призвание человека – уподобиться Богу <...> и тем самым восстановить первоначальное всеединство” [10, с.687]; в поэзии Дм. Мережковского – Христос, Антихрист, Парки и Музы; в поэзии А. Блока – Христос, Амур.

О глубоком знании античной мифологии свидетельствует, например, использование В. Брюсовым большинства именований древнегреческого олимпийского бога Аполлона. Только один раз поэт использует это имя, в своем классическом образе содержащее отождествление с солнцем “во всей полноте его целительных и губительных функций” [7, с.52], бог помогает

людям и научает их мудрости и искусствам. См., напр., в «Гимне богов»: “Я верую в <...> Певуче бессмертную лиру метателя стрел Аполлона”. Для воссоздания образа Аполлона – водителя муз, в «Девятой Камене» используется другой мифоним – Мусaget. Наиболее активно в поэзии используется именование Феб – эпитет Аполлона, обычно в мифологии указывающий на чистоту, блеск и прорицание, а у Брюсова Феб – это и олицетворение солнца, и покровитель поэтов и певцов. Ср.: “Терпкой влагой душно веет с Нила./ В жгучей сини Феб недвижно стал”; “Пред тем как Феб, грозя лучами,/Блеснет, – владычица любви,/Порыв жреца благослови!”; “Не тем горжусь я, Фебом отмеченный,/Что стих мой звонкий римские юноши/На шумном пире повторяют”.

В поэзии Брюсова особое место занимает тема любви – это и болезненная страсть, и начало неминуемой трагедии, и расплата за проявленные бурные чувства. Этим объясняется и частота употребления мифонимов для отражения различных оттенков чувств и переживаний. Адам, Ева, Ад, Эрос, Амур, Афродита – вот неполный перечень именовании, используемых автором для раскрытия этой темы. Амор (Амур) (7) – именование римского бога любви, в классической мифологии это образ златокрылого, золотоволосого, подобного ветру бога, хотя в эллинистической поэзии он изящный, легкий и капризный. По Платону, он, сын Бедности и Богатства, в наследство от родителей получил жажду обладания, стойкость и бездомность, а по Аполлону Родосскому, это хитроумный, но жестокосердный малыш, помыкающий своей матерью (Афродитой). Знание этой многоаспектности мифопоэтонима дает возможность поэту варьировать. Напр.:

Нет науки любви. И, глядя строго,
Беспощадный Амор над тем хохочет,
Кто исторгнуть стрелу из сердца хочет.
Должно нам принимать богов решенья
Кротко: радости и любви мученья («Poeta
Catullianus»);

Сколько лукавых сетей, расставленных хитрым
Амором,

Чтобы одну поймать певчую птицу – меня! («В
духе латинской поэзии»).

Амор у него и беспощадный, и хитрый, и
лукавый, и странник. Несколько в иной ипостаси
поэт использует именование аналогичного
божества, но из греческой мифологии – Эрос
(Эрот):

Клонит лик пред сыном Афродита,
Эрос-Мститель гнет священный лук.
Пропать высшей страсти нам открыта
(«Цезарь Клеопатре»),

или в «Психее»:

Что чувствовала ты, Психея, в оный день,

Когда Эрот тебя, под именем супруги,
Привел на пир богов под неземную сень?
Что чувствовала ты в их олимпийском круге?
И вся любовь того, кто над любовью бог,
Могла ли облегчить чуть видные обиды:
Ареса дерзкий вздор, царицы злобный вздох,
Шушуканье богинь и злой привет Киприды!
И на пиру богов, под их бесстыдный смех,
Где выше власти все, все – боги да богини,
Не вспоминала ль ты о днях земных утех,
Где есть печаль и стыд, где вера есть в святых!

В этом стихотворении четыре имени-символа, каждое из которых несет в себе достаточный набор ассоциаций, однако все они только дополняют друг друга: Психея – душа, жаждущая любви, Эрот – любовь, Арес – вероломство, Киприда – любовь. Обращает внимание и то, что употребляет их Брюсов в таком же порядке (душа-любовь-вероломство-любовь), образуя двойной “венок”. Первый – чувственный, второй – родственник. Последний становится явным, когда вспоминаешь, что, по Гомеру, Арес – буйное божество, обладающее чертами романической влюбленности: влюбляется в прекрасную и нежную богиню Афродиту (Киприду), от их любви рождаются Эрот, Антэрот, Деймос, Фобос и Гармония.

Тема любви невозможна без божества брака – Гименея. В поэзии Брюсова этот мифоним как олицетворение брака и брачных отношений встречается только один раз в «Египетских ночах»:

И каждый, с трепетом желаний,
Невольно мыслит: “Мог и я...”
Но свисли пурпурные ткани,
Гимена тайны затая.

Как уже отмечалось, мифопоэтоним Афродита – один из самых продуктивных в поэзии Брюсова. Афродита – греческая богиня любви и красоты, прославлялась как дарующая земле изобилие, спутница и добрая помощница в плавании, богиня браков и даже родов, ее атрибут – пояс, в котором заключены любовь, желание, слова обольщения, “в нем заключается все”. Брюсов использует не только общеизвестное именование, но и не часто встречающиеся Андиомена и Киприда. В результате Афродита-любовь у него обольстительная, бессмертная, хмельная, страстная, беспощадная, мощная, злая. Такой любви и слагала гимны древнегреческая поэтесса Сапфо («К Сапфо»), слагает ей гимн и Брюсов:

За длительность вот этих миггов странных,
За взгляд полуприкрытый глаз туманных,
За влажность губ, сдавивших губы мне,
За то, что здесь, на медленном огне,
В одном биении сердце с сердцем слито,
Что равный вздох связал мечту двоих, –
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

Здесь нужно отметить, что символистам близка

трактовка любви как всепоглощающей страсти, отдаваясь которой человек вступает в область хаоса. Для символистов это естественное состояние человека.

Начало XX века для Брюсова – это появление в 1901 году его «Каменщика», продолжение вечного поиска героя, но в настоящем. Но в созданном герое нет оптимизма, нет веры в будущее, и поэт по проторенной дороге снова уходит в античный мир, потому что “у мифа есть своя логика, основу которой составляют аналогия и ассоциация” [10, с.686]. Появляются циклы стихов, где действующими лицами вновь выступают мифологические герои («Третья стража», «Правда вечная кумиров», «Венок»): Деметра, Орфей, Эвридика, Медея, Ахиллес и др. Как отмечал сам поэт: “Это античные образы, оживленные, однако, современной душой. Все говорят о любви” [3, с.71].

События первой мировой войны, трагедия Цусимы приводят поэта к выводу о “начале катастрофы в России”. В результате Брюсов обращается к мифологическому образу женщины-чудовища, у которой вместо волос – змеи на голове, взгляд которой обращает людей в камень. Появляется стихотворение «Лик Медузы», где лик Медузы – это символ, он – предвестник хаоса.

В книге стихов «Зеркало теней» Брюсов вновь возвращается к своим любимым героям: Дидоне, Федре, Миносу, Леде, Зевсу, Агриду, Стиксу, Харону, Ахиллу и др., и здесь вновь звучит гимн любви – Афродите:

И в час, когда лобзанья ядовиты
И два объятья – словно круг судьбы, –
Все той же беспощадной Афродиты
Мы – рабы! («Ответ»)

После революции 1917 года, в советский период Брюсов по-прежнему обращался к “своим любимцам”. На страницах его книг в очередной раз оживают Гефест и Феб, Калипсо и Афродита, Хронос и Амор и др. В «Красном знамени» он восклицает:

И новые, новые, странно-великие,
Поют слова...
Древним призракам, Мойрам ли, Дике ли,
Покорилась Москва?

Рассматривая карту Европы («Над картой Европы 1923 г.»), поэт видит не современные названия и очертания, а “Край Перикла, край Лиссандра, Царства Мидий, древний Нил...”. Обычно автор использует мифонимы в функции первичной номинации, однако большинство из них имеют устоявшуюся коннотацию (Орфей, Амур, Дидона, Атлантида, Змей Горыныч и др.), поэтому, даже будучи употребленными в прямой номинации, они все равно излучают, потому что у них нет нулевой референтной коннотации. Напр.:

Ариадна! Ариадна!
Ты, кого я на песке,
Где-то, в бездне беспощадной

Моря, бросил вдалеке! («Жалоба Фессея»), или:
 Время вам в движеньях метра
 Прозвучать и проблистать.
 Низойди в свой мир, Деметра,
 Воззови к уснувшим, мать! («К Деметре»).

Мифоним Ариадна употреблен в прямом значении, как и Деметра, однако они не могут употребляться только в функции номинативной или идентификационной. Здесь, как и в других случаях, сразу возникают символы-созначения: Ариадна – спасительница, Деметра – земля-мать. Мифоним Елена – прекрасная, соблазнительная. Ср.:

Жизнь трепетов любви не старит,
 Где ближе гибель, зорче страсть,
 Так бред блаженств с Еленой
 Парид знал о Пергамах, готовых пасть;

и

Он был, он есть – без перемены
 Он будет жить в стихе моем,
 Как имя нежное Елены,
 Сплетенное с мелькнувшим днем.

Как образец аллюзивного использования мифонима с узуальным коннотативным значением можно привести такие строки из стихотворения «Над картой Европы 1922 г.»: «Там, где папы громоздили/Вновь на Оссу Пелион?». Осса в древнегреческой мифологии персонафикация молвы, обычно быстро приносит людям известия от Зевса, у Брюсова – намек на сказание о борьбе Зевса с гигантами.

Именования героев ветхозаветной мифологии В. Брюсов использует значительно реже, и это обычно единичные именования: Адам, Ева, Гад, Самсон, Ной, Ягве, Христос. Интересно употребление мифонима Самсон в стихотворении «Пророчества весны»:

Все пело, полно вешней прелести:
 «Живи! люби! иди вперед!

Ищи борьбы, душа крылатая,
 И, как Самсон из львиной челюсти,
 Добудь из грозной жизни мед!»

Мифоним Самсон имеет устойчивую коннотацию – человек, обладающий необыкновенной силой, т.е. это имя-символ. По мнению Р. Мниха, «в поэтическом произведении значение символа всегда обусловлено «способом его существования» в художественной целостности, определяющим смысловые связи с другими мирами, другими произведениями, другими эпохами» [8, с.77]. Образ Самсона часто сопоставляют с такими эпическими героями, как Гильгамеш, Геракл и Орион, потому что подобно им Самсон, обладая сверхъестественной силой, совершает богатырские подвиги [7, с.479]. Однако в стихотворении речь идет не об этом герое. Брюсов призывает к борьбе во имя любви и для сравнения использует другой образ – Самсона, сына Маноя. Согласно библейскому преданию, когда Самсон решил жениться, вопреки воле родителей, на филистимлянке, он с родителями

пошел к ней в город, навстречу им вышел молодой лев. Самсон растерзал льва «как козленка» голыми руками. Через несколько дней он решил посмотреть на труп льва и нашел в нем пчелиный рой и мед. Поев меду, он принес его и родителям. Именно на эту историю намекает Брюсов сравнением «как Самсон из львиной челюсти,/Добудь из грозной жизни мед».

Одной из особенностей поэзии Брюсова является использование мифонимов в косвенной, непрямой номинации. Среди ономастических перифраз [5, с.222] следует выделить перифразы, содержащие мифоним и отсылающие к мифониму: «Победитель Минотавра» – Фессей, «Дочь угрюмого Миноса» – Ариадна; перифразы, не содержащие имени собственного, но отсылающие к мифониму: «Бог в короне виноградной/Клонит страстные уста» – Дионис; перифразы, содержащие мифонимы, но отсылающие к имени нарицательному: «Певец земли Гиперборейской/Станет моим подражать напевам» – поэт; «сыны Геракла и Эхидны» – скифы; «богиня Счастья» – Лакшми, супруга Вишну.

Привлекает внимание использованием автором «параллельных» мифонимов, т.е. именований богов, выполняющих одинаковые функции в разных культурах: Артемида – Диана, Афродита – Астарта, Нептун – Посейдон, Дионис – Бахус, Амур – Эрос, Орк – Аид и др., напр.: «Я верую в <...> Властителя вод Посейдона, мутящего глуби трезубцем» и «Старый Нептун! Если дар тебе нужен,/Бей по корме, беспощаден и пьян!».

Характерным для поэзии В. Брюсова является включение в состав именования определений, расширяющих уже сложившиеся представления о персонаже: Крон седобородый, суровый Кама, беспощадный Амор, хитрый Амор, прекрасная Дидона, скорбный Филоклет, золотая Атлантида, старый Пан, мощная Киприда и др. Л.В. Гукова и Л.Ф. Фомина, вслед за К.С. Горбачевичем и Е.П. Хабло, называют такие определения характеризующими [4, с.8], относя к ним эпитеты, приложения, перифразы, причастные и адъективные обороты, составные именные сказуемые, придаточные определительные части и отдельные самостоятельные части. По их мнению, характеризующими являются не только те средства, которые «экспрессивно определяют (описывают, живописуют) предмет, <...> но также и те, которые вводят его в родовую парадигму (отвечают на вопрос что это такое?) <...> указывают на их место в этой парадигме <...> сообщают информацию о его ином именовании, его статусе, назначении и функционировании, его состоянии» [4, с.9-10].

Таким образом, мифонимы в поэзии В. Брюсова, выполняя свойственные им функции в языке художественного произведения, отвечают главной концепции символизма – внешнее выражение получает особое значение. Мифоним становится символом, намеком на события, черты характера, эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В. Избранные сочинения в двух томах. Т.1. Стихотворения и поэмы. – М.: Худож. лит., 1955. – 750 с.
2. Брюсов В. Избранные сочинения в двух томах. Т.2. Статьи. – М.: Худож. лит., 1955. – 650с.
3. Бурлаков Н.С. Валерий Брюсов. Очерк творчества. – М.: Просвещение, 1975. – 240 с.
4. Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф. Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина: Словарь. Пособие для учителя. – Одесса: ФОТОСИНТЕТИКА, 2004. – 192 с.
5. Калинин В.М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-восток, 1999. – 408 с.
6. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.
7. Мифология. Большой энциклопедический словарь/Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – 736с.
8. Мних Р. Категория символа и библейская символика в поэзии XX века. – Lublin, 2002. – 258 с.
9. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк: ООО “Юго-Восток, Лтд”, 2004. – 412с.
10. Федотова С.В. Мифопоэтика Вячеслава Иванова: теоретический аспект//Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Мат. Международ. научн. конф. г. Волгоград, 24-27 апреля 2005 г. – Волгоград, 2005. – С.683-688.

Rogozina V.I.

МІФОНІМИ В ПОЕЗІЇ В. БРЮСОВА

Розглянуто використання міфонімів, їх роль і місце в поезії В. Брюсова. Головна увага приділялася визначенню взаємозв'язку символізму і “міфотворчості” поета. Це дозволило зробити висновок про те, що міфоніми відповідають основній концепції символізму – стають символом, натяком на подію, риси характеру, доби. (“Λογος ὀνομαστικῆ”, №1, 2006, с. 108-112).

Ключові слова: ономастика, міфонім, символізм, конотація, перифраза, алюзія, характеризуюче означення.

Rogozina V.I.

MYPHONYMS IN A POETRY OF V. BRUSOV

The use of myphonims, their role and place in a poetry of V. Bryusova was examined. The main attention was given for the definition of correlation of symbolism and “mypho creative activity” of a poet. It’s allowed to do the conclusion that’s myphonims responsible for the main conception of symbolism. It become the symbol, the hint for the event, the traits of character, the epoch. (“Λογος ὀνομαστικῆ”, №1, 2006, с. 108-112).

Key words: onomastica, myphonim, symbolism, connotation, periphrase, allusion, typical definition.